

Владислав Киселев

Пять близнецов

Владислав Киселев

Пять близнецов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36080247

ISBN 9785449322630

Аннотация

В мире смешались прошлое и будущее: каменные замки и летающие пирамиды, железные мечи и электрические бластеры. Зеленая пшеница, продлевающая жизнь, растет рядом с удивительными монстрами. Именно здесь начнутся опасные приключения пятерых близнецов.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	60
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Пять близнецов

Владислав Киселев

© Владислав Киселев, 2018

ISBN 978-5-4493-2263-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Новое оружие

В спальню вошел мужчина с мечом и слабо горящей свечой. Ветер едва колыхал шерстяные шторы и нежный балдахин. Настил из бамбука совсем не скрипел под ногами пришедшего.

– Сэр, вы спите?

Никто не ответил.

Из ножен, шипя как змея, медленно вылез фальшион. Этот меч, предназначенный только для рубки, был не слишком длинным, но очень опасным – таким рубят головы. Но в руках этого человека меч может лишь вернуться в ножны.

Слуга легонько тронул начальника стражи. Ткнул чуть сильнее. Заволновался и сказал:

– Просыпайтесь. Сир Джеймс, просыпайтесь.

– Ухм, – послышалось недовольное ворчание под мягкими простынями.

– Вы просили меня разбудить, сир Джеймс, и я не отстану. Вставайте! – потребовал слуга, боясь поднять и жену.

– О, боги...

– Именно с ними сим утром вы должны встретиться. Вставайте, сир Джеймс, скорее.

– Да, пора, – поднялся мужчина. Он недовольно взглянул в сторону супруги – увидев, что та спит, улыбнулся. Потом взглянул на меч. – О, Черная Кровь.

– Да, сир. Кузнец наточил как следует. Я это проверил. Лично, – доложил слуга.

– Угу. Принеси-ка умыться, – зевнул Джеймс. Через пару зевков ушат с водой стоял на дубовом столе. – А меч, – Джеймс уже успел налюбоваться Черной Кровью, – вернешь, когда я начну одеваться.

– Да, сир.

Зачерпнув холодной воды, Джеймс обрушил ладони на лицо.

– Бррр.

Преодолев коридор, парень очутился в зале. На огромном длинном столе расположились тарелка с кашей и говядиной, кружка пива и ломоть хлеба. Но хлеб не ржаной, и даже не пшеничный, а дилийский. Зеленый, как и глаза Джеймса, хлеб еще никогда не лежал на тарелке перед начальником стражи Божьего Города.

– Ну и что это такое?

Вернулся тот же слуга.

– Хлеб, сир.

– Я вижу. Почему он зеленый?

– Простите, сир, только боги могут сказать, почему он зеленый. Я не знаю, почему он именно такого цвета. Может быть...

– Я знаю, что хлеб может быть зеленым. Но почему я должен есть его? Я же говорил, ведь говорил, что не ем такой. Кто виноват?

– Никто, сир.

– Как никто? Сколько раз я говорил, что не стану есть зеленый хлеб?

– Ни одного раза... нашему новому повару.

– А что стало со старым?

– Убили в подворотне.

– Хм... ну ладно. Передай новичку, чтобы больше такого, – показал на хлеб Джеймс, – не было. А этот можешь сам съесть.

Слуга, кивая, улыбнулся, разломил буханку надвое и спрятал в карманы.

Джеймс угрюмо посмотрел на кашу и пригубил напиток. День только начался, а уже такие неприятные ситуации. И что же будет дальше? А ведь день обещал быть тяжелым.

Но он, конечно же, справится со всем. Джеймс встретил двадцать зим, вырос почти до шести футов, был стройным, сильным, а главное – умным. Ну, разве может быть глупым тот человек, которому боги уделяют так много внимания?

– Странно это все... я слышал, что наши любимые новые боги заставили сира Эскеля приютить неизвестно откуда появившегося мальчишку, – начал повар. Многие говорили, что мать Джеймса – жалкая шлюшка, которая не сумела или не захотела нянчиться с отпрыском, отчего и отнесла его

на порог одного рыцаря. – И эти же боги, стоило бывшему и, к несчастью, не имеющего сына начальнику стражи умереть, тут же сказали графу, чтобы Джеймс занял появившиеся место. И при этом он отказывается съесть хлеб, который они нам даровали!

– Меньше болтай, но больше слушай: чтоб больше такого не было, – слуга взял поднос с хлебом. – Но, если тебе так интересно... – слуге хотелось подольше побыть на кухне. Тут было жарко, полненькие, но симпатичные по меркам слуги поварихи резали дорогие и аппетитные овощи и мясо, а прекрасные запахи залетали в ноздри. – Джеймсу не нравится вид зеленого хлеба. Он говорил, раз у него такой... слово противное... ага, неестественный вид, значит, тот невкусный.

– Неужели? И поэтому он отказывается от дара богов? – искренне удивился повар.

– У всех же вкусы разные. Да и черт с ними, я пошел.

Джеймс возил ложкой в овсянке. С утра не особо хотелось есть. Проснувшись, вообще ничего не хотелось делать. Разве что видеть приятные сны...

– Угу, – сказал Джеймс, когда в его руках оказался хлеб. Пока он ел, причем медленно и без настроения, на ум пришел вопрос: – А как там стража?

– Боб умер из-за жуткой раны.

– Правда? А как же Глаз Божий?

– Рана была слишком ужасной.

– Ясно. Бедняга Боб... – помрачнел Джеймс.

– А вот Аскел погиб из-за оспы, сир.

– О, ужас! Но ведь есть лекарства богов? Когда они утратили свою целебную силу?

– Тогда же, когда и высокую цену, сир, – никогда.

– Да уж... Аскел, хоть он мне и не нравился, но та болезнь слишком мерзкая. Мда... Почему боги так хорошо помогают именно мне? Есть ведь много хороших людей... Хотя этому стоит радоваться, – с улыбкой подумал Джеймс, впихивая в себя ложку.

Наевшись, Джеймс справил нужду и понял, что дома его больше ничто не держит. Пора переодеваться.

Вместо башмачков теперь кольчужные шоссы и сапоги, а ночную рубашку заменили подкольчужная одежда, сама кольчуга и сюрко – белое, со звездой в центре, заточенной в треугольник.

Джеймс вышел на улицу.

Ему нравилось, что вне дома прохладно – это бодрило. Но еще больше радовала темнота. Кругом все спят, только в городе лают собаки и в лесу летают совы, но так везде тишь. Радует, что никакой бедняк не поклянчит монету, никакая жирная размазанная шляха не предложит свои «прелести», которые больше хочется назвать «ужастями», и никакой лицемер, будь тот крестьянином или кем покруче, не улыбнется тебе и не поздоровается, подумав: «А этот сукин сын жил бы хуже меня, если бы ему не помогали боги. Вот чем

я хуже этого говнюка?». Но главное: ты проснулся, а другие нет. У тебя есть преимущество над всеми. Твой день будет длиться дольше всех. Ты получишь эмоций больше, чем кто-либо, если еще и ляжешь спать одновременно с остальными. Конечно, многие слуги уже проснулись, стараясь угодить своим хозяевам, но ведь Джеймс не слуга, а начальник стражи крупного города! Божьего Города! Это первый город, в который попали новые, истинные боги. Они, незванные, прилетели сюда много лет назад, но сегодня человек сам придет к ним.

Точнее, прискачет.

Гнедая кобылка, сильная и красивая, поскакала вперед. Роскошная грива и длинный хвост развивались на ветру, точно флюгеры на высоких башнях города. И у такой изящной лошади кличка была самая простая – Скакун.

Тара-дам, тара-дам, тара-дам, тара-дам, тара-дам! Копыта звонко стучали по каменной дороге, будя бедняков и поднимая пыль вверх, навстречу еще не пробудившимся небесам.

– Клевер, Дерек, открывайте ворота! – издали крикнул Джеймс.

Стражники поприветствовали начальника с печальными, хоть и не чересчур, лицами сообщая о гибели двух товарищей.

– Я это знаю, знаю... но не так важно, сколько умерло вчера – гораздо важнее, сколько умрет сегодня. И я надеюсь, нисколько, – молвил Джеймс, когда перед ним расступались

ворота, открывая целый мир, в котором боги живут рядом с простыми смертными.

– Да, сир, но ведь сегодня полнолуние, – заговорил рослый, но очень молодой Клевер.

– Монстры... они опять прилетят за нами, – помрачнел Дерек-силач.

– И снова мы дадим им отпор! – улыбнулся Джеймс, поднимая меч вверх. Он был не так уверен в своих словах. Ночью лучники не видят тварей темного цвета, поэтому их не берут с собой в эти битвы. Но не говорить же: «Прилетят, сожрут нескольких и улетят!» или «Зато вы погибнете смертью храбрых, а не от оспы, как Аскел, который после кончины выглядел хуже всякого монстра!». Тем более что все заканчивалось хорошо, если ни один из воинов не принимался паниковать, после чего другие тоже начинали нервничать и мешать друг другу...

Скакун беззаботно несся вперед, а Джеймс боялся, что опоздает, если будет слишком долго искать вход в обитель богов. Парниша, передавший весточку от высших, сказал, что те зажгут огни у входа, но пока в крошечной тьме Джеймс не мог разглядеть ни одного лучика надежды. Он понимал – какое-то время предстоит ехать, но надеялся, что свет появится раньше. Джеймс так и не увидел ярко горящего красного пламени.

Зато он увидел синий огонь. Тот длинной и широкой полосой тянулся вверх, расширяясь и уничтожая однообраз-

ную темноту. Огонь был похож на ту линию, что оставляет позади летящая стрела. И на грозу в дождливый вечер. И на счастье, которое долго ждешь, оно не появляется, а потом в один миг, когда уже надежды умерли, все-таки случается.

Скакун приблизился к источнику света. Джеймс боялся, что температура одолеет его: раз свет такой мощный, значит и то, откуда он исходит, должно быть страшно горячим... или холодным, раз цвет синий, почти как у льдины. Но рядом с волшебным предметом, напоминающим огромную кружку с несколькими выпуклыми гладкими выступами, ничего не было – ни жара, ни холода.

– Здравствуйте, ваше могущество, – сказал Джеймс, когда слез с коня и встал на одно колено.

Бог, одетый в штаны и рубашку, протянул руку с кольцом, и сам сказал в такое же кольцо:

– Теперь я тебя понимаю. Это переводчик. Говори в него.

Джеймс понял, что бог не услышал его приветствие и решил, что второй раз не будет лишним:

– Здравствуйте, ваше могущество.

Из кольца Джеймса донеслось нечто невразумительное. Подняв голову, Джеймс только сейчас заметил, как высоко задрал голову бог. Но это было неудивительно, ведь из шеи существа во все стороны торчала дюжина шипов, каждый размером с несколько дюймов. Джеймс подумал, что шея бога похожа на стебель розы.

Нависла пауза. Джеймс впервые видел бога, поэтому не мог оторвать взгляда от шипов. Они бледнели, как и вся кожа, но те славились не жутким цветом. Говорили, что шипы богов пропитаны ядом, и что они для того существуют, чтобы защищать от клыков вампиров.

– Здравствуй, Джеймс. Здравствуй, Избранный, – бог легко улыбнулся, когда говорил на своем непонятном языке, но кольцо все быстро перевело. Джеймс удивлялся, насколько маленьким существом надо уродиться, чтобы жить в кольце, и на сколько громкоголосым, чтобы все было слышно. Скорее всего, внутри колец находятся маленькие феи. А может быть и другие, неведомые Джеймсу крохотные создания.

Бог нажал на выступ на своем необычном светильнике. Тот мгновенно потух, совершенно бесшумно, что тоже поразило парня. Он думал, будет звук воды, побеждающей костер.

– Пойдем – тебя ждет подарок.

Сейчас в темноте огромный дом богов был невидим, но, когда ярко светит солнце, в глаза бросается огромная серебряная пирамида, сделанная из стали. Это не только место, где боги рождаются и умирают, пирамида также небесный конь, на котором боги спустились с небес, чтобы помочь обыкновенным людям. И сейчас Джеймс впервые побывает внутри жилья высших.

– Меня зовут Мерктрис и это мой дом, также это дом моих родственников, моих друзей, моей женщины. Здесь мы

живем, это наш маленький рай, где все дружны и умны, – сказал бог, когда они вошли в здание.

Все вокруг сияло серебром или белизной – стены, пол и потолки. Вокруг была идеальная чистота, освещенная множеством голубых и белых светильников.

Они шли по длинному коридору, видя множество других, а также лестниц и даже иногда встречая пару-тройку богов, пока не пришли в огромный зал, где высших было сотни.

Они занимались самыми разными вещами. Джеймс не мог понять, что делает больше половины из них. А первое, что он заметил, это как боги стоят друг напротив друга, держа в руках нечто похожее на топоры, такие маленькие рукояти, переходящие в плоские круглые деревяшки. А между богами стоял стол, небольшой, как у крестьян, только с одной деталью – посередине была маленькая сеточка, в которую никакую рыбу не поймает. Джеймс смотрел, как неизвестно откуда появившийся белый шарик летал то к одному краю стола, то к противоположному.

– Что делают эти боги, Мерктрис? – кивнул в их сторону Джеймс. Мерктрис задумался.

– О, это сложная игра... суть которой могут понять одни лишь боги.

– А я вижу там, в углу, боги играют в шахматы. Это вы у нас переняли такую игру, Мерктрис?

– Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха, нет, конечно, нет, – рассмеялся Мерктрис, быстро сделав серьезный вид, – когда-то давно мы

сами придумали эту игру. Но шахматы – это так... для отроков. А то, во что развлекаются заинтересовавшие тебя боги – сложнейшая игра. Если начну рассказывать, ты едва ли уловишь хоть частичку ее сущности, – с фанатизмом говорил бог, зажав руку в кулак. Джеймс обиженно хмыкнул.

– Но ты не расстраивайся, Избранный, это всего лишь игра. А тебя впереди ждет оружие, – заявил Мерктрис. Он пошел вперед, к противоположной стене, а Джеймс не мог налюбоваться тем, что делают боги.

Многие из них смотрели в черные зеркала. Одни зеркала были маленькими и помещались в карман, другие были с тарелочку, а третьи умели складываться как веер. Только вот не всегда зеркала были черными, а лишь когда того хотели боги. Большинство времени зеркала, точно в сказках, показывали какие-то меняющиеся картинки.

Некоторые боги ели, причем такую же пищу, что и люди. А сразу десяток богов развлекались еще какой-то игрой – они бегали с мячом и кидали его в огромное кольцо, расположившееся в нескольких ярдах над полом. Эта игра чем-то напомнила Джеймсу футбол.

– Мерктрис, а это игра тоже очень сложная?

– Конечно. Еще сложнее предыдущих, ведь играющих в нее гораздо больше.

– Тогда почему я понял ее смысл? Они хотят забить, но не в ворота, а в кольца, верно?

– Эм... – бог растерялся. Он удивленно уставился

на Джеймса. – Да, ты прав.

– А вы говорили, что я не смогу понять и ту игру, а я понял даже эту, похожую на футбол, – загордился собой Джеймс.

– А все потому, что ты Избранный. Но даже ты не должен сравнивать какой-то там футбол с великим баскетболом! В баскетболе у всех игроков задействованы и руки, и ноги, а в футболе одни только ноги... у всех, кроме вратарей, которые стоят на месте. Слишком простая игра, этот ваш футбол, – решил бог, недовольно ускоряя темп.

А Джеймс нашел новую диковинку – какой-то бог наколдовал огромную разноцветную картину, зависшую в воздухе, которая постоянно менялась, как и на волшебных зеркалах. Но тут произошло еще большее чудо.

На весь зал стали слышны голоса певцов и игра музыкантов, но хоть Джеймс вертел головой как сова, он не увидел ни одну девушку, открывающую рот в такт музыки, и ни одного парня, играющего на музыкальном инструменте. У Джеймса появилось две догадки, и первая такова: эти боги невидимы. Но зачем им скрывать себя? Возможно, это могут понять только высшие, но ведь у Джеймса была и вторая теория.

Вероятно, когда-то давно здесь стояли живые музыканты и певцы, играющие на инструментах, схожих с арфой, лютней и дудкой, а также многих других, которые сейчас есть только у богов. Но все они умерли, и теперь их невидимые души вновь начали выступать для еще живых богов, а Джеймс застал это выступление. И все потому, что он Из-

бранный.

– А почему я Избранный, ваше могущество?

– Придет время, и ты все узнаешь, – не сразу ответил Мерктрис. – А пока нам надо подняться наверх.

– По винтовой лестнице?

– По прямому лифту.

Зал остался позади, а стальные двери начали уползать в недра пирамиды – одна вправо, другая влево, а после Мерктрис нажал на выступ внутри помещения, которое скрывали двери. Джеймс подумал, что это маленькая пустая кладовая, но ошибался. Двери вернулись на прежнее место, и Джеймс почувствовал, как начинает подниматься вверх, и удивился этому чуду. Наверно, где-то эльфы тянут веревки вниз, чтобы бог и человек поднимались вверх. А может быть это магия, которая сейчас вознесет их к небесам на своих невидимых крыльях?

Лифт остановился. Двери открыли путь вперед.

Они оказались в коридоре. Там на полу лежал небольшой бог в потрепанной одежде, а над ним возвышались два куда больших собрата. Мерктрис увидел это и разозлился, но быстро изобразил каменное лицо, увидев излишний интерес ко всему происходящему у Джеймса. Мерктрис поднял кольцо к себе, нажал на кнопку и с улыбкой сказал:

– Блять, вы проклятые уроды, какого черта вы деретесь сейчас? Вас же предупреждали, что сегодня к нам придет человек и все должно быть идеально, словно мы высшие су-

щества, а не идиоты, которые не могут унять конфликт без драки. Не знаю, зачем королева захотела, чтобы к нам пришел этот, но если он заподозрит, что мы такие же обычные, как и они, то у нас будет большая задница, к которой ближе всех будете именно вы! Исправляйте ситуацию, придурки.

Джеймс не понял ни слова.

Два рослых бога дружно подняли коротышку и, натянуто улыбаясь, что-то пробормотали. Они, держа за руки низкорослого, исчезли в лифте, из которого только что вышел Джеймс с Мерктрисом.

– Здесь человек, но скоро он уйдет. Тогда-то мы сделаем все, чтобы научить тебя уму-разуму, – сказал один рослый дилиец в лифте. Коротышка обиженно, пугливо и в то же время злобно посмотрел на своих врагов. Но ничего этого не видели идущие по коридору Мерктрис и...

– Джеймс, тут мокрый пол. Даже боги иногда падают, так что будь аккуратней, – улыбнулся Мерктрис.

– Но те двое стояли спиной к нам. Они хотели идти вперед, а потом встретили нас и передумали. И ваше кольцо не перевело мне ни слова, пока вы говорили с ним. Что случилось? – поинтересовался Джеймс.

– Нет, они шли к лифту, их друг поскользнулся, кстати, он был к нам лицом, а другие боги развернулись спиной, чтобы помочь другу подняться. А что на счет колец, то... такое случается, – потея, признался Мерктрис. Он все также улыбался, но в его глазах, как на миг показалось Джеймсу, по-

явилось отчаяние и острое желание попроситься с гостем.

– Я вам верю, Мерктрис. Вы же бог, а высшие не врут людям, любящих своих покровителей, – искренне улыбнулся Джеймс. Он научился это делать, ведь граф их города довольно часто устраивал пиры, на которых рыцари соревновались в лицемерии почти как на копьях во время турниров.

– Конечно, Джеймс. Сейчас мы войдем в комнату, и ты получишь то, что заслужил, – вздохнул Мерктрис. Джеймс кивнул, и они продолжили путь теми же решительными шагами. Но Джеймсу подумалось, что его проводнику незачем было скрывать столь обычное явление, как вражда. Еще тысячи лет назад ложные боги якобы враждовали друг с другом, но выглядело это естественно. Мерктрис просто не захотел переводить слова, чтобы Джеймс и все человечество могло верить в мудрость и спокойствие богов, но... может быть, Мерктрис сказал что-то еще? То, чего Джеймс ни за что не должен был услышать? Парень попытался выбросить эту мысль, но та, словно засохшая на руке грязь, не исчезала сразу.

Однако на руках, вернее, на ладони, бывают и такие следы, которые остаются на всю жизнь. Но это не шрам. То, что было на ладони у Джеймса, парень видел еще когда не научился разговаривать. Это был маленький квадратик, внутри которого расположились какие-то черточки. Такая особенность очередное подтверждение того, что Джеймс – избранный.

– Мерктрис, а вы знаете, что это у меня на руке? – протянул ладонь парень.

– Придет время, и ты все узнаешь, – загадочно повторил бог.

Джеймсу хотелось услышать совсем другое, ведь такие секреты ему не нравились, но пришлось довольствоваться тем, что есть, поэтому Джеймс вздохнул и решил, что в ближайшее время вопросов задавать не станет.

Серебряные двери вновь расступились. Мерктрис и Джеймс оказались в комнате средних размеров, но теперь ее освещали не голубые и белые фонари, а красные и желтые.

– Тут-то ты и получишь свой подарок и здесь же ты научишься им пользоваться, – сказал Мерктрис.

В комнате стоял длинный высокий стол, на котором лежали непонятные для Джеймса предметы. А вот знакомым можно было назвать деревянное чучело и мишени, стоящие в полусотне ярдах от стола.

– Наша королева пожелала попытаться обучить тебя стрельбе из наших механизмов, дабы узнать, смогут ли люди защищать богов, если тем будет грозить опасность. Если вы сможете это сделать, то вас будут обучать этому по особой программе, предназначенной для людей. Если не сможете... мы сильно разочаруемся, – грозно взглянул Мерктрис на Джеймса. – Поэтому слушай внимательно, не перебивай и попытайся усвоить все с первого раза. Хотя бы попытайся.

Джеймс кивнул.

– Наше оружие автономно. Оно, словно рыцарская честь, не зависит практически ни от чего и мало что способно его сломать. И, как и у рыцарской чести, главный источник нашего оружия – свет.

Взгляни на это.

Мерктрис показал на стальной серебристый бутон размером с фут. Бог нажал на верхнюю точку бутона и тот начал свой оборот. Верхние лепестки целиком раскрылись, стали видны лепесточки внутри. Те начали двигаться вдоль больших, пока не застыли. Они увеличили радиус механического цветка-оборотня.

– Поставь этот цветок энергии на крышу своего дома так, чтобы свет всегда, когда солнце наверху, соприкасался с ним. Цветок преобразует магию солнца в магию молний. Вот такое вот колдовство, – с довольной улыбкой сказал Мерктрис.

– Цветок энергии поставить на крышу для осуществления колдовства, – повторил Джеймс.

– Правильно. Это магия молний необходима твоему оружию, как стрелы нужны для лука. Без колдовства разрушительная сила быстро закончиться, и все-таки главное – бластер, – Мерктрис взял предмет который никак нельзя было счесть оружием. Оно было не похоже ни на булаву, ни на копье, ни на меч, ни даже на топор. Маленьких размеров, формы самой безобидной – какой-то угол из стали с дыркой для лучшего удержания – и как вообще это можно назвать

оружием? Камень на фоне такого безобразия самое что ни на есть оружие смерти. Но не все вещи, кажущиеся ничтожными, – а как еще назовешь цветочек и безделушку? – оказываются таковыми на самом деле.

Мерктрис нажал на небольшой крючок на этой штуковине. Из отверстия «безделушки» вылетела молния. Раздался звук, похожий на гром – почти такой же громкий и страшный, но только прямо перед тобой, здесь и сейчас. Молния разорвала на части деревянное чучело. Большие куски и крохотные щепки – все загорелось. В комнате появились странные существа, мелкие и многорукие, которые быстро убрали беспорядок, будто ничего и не произошло, но Джеймс навсегда запомнил мощь божественного орудия.

– В ваших сказках существуют волшебные палочки. Они тоже маленькие и неприметные, не такие красивые, как меч, не такие мощные на вид, как молот, но это не мешает им творить волшебство – пускать огненные шары и исцелять волшебной силой. Считай, что бластер – та же волшебная палочка, – ухмыльнулся Мерктрис. – Тебе, Джеймс, придется совладать с этим оружием. Ты будешь первым из людей, которые действительно научатся магии, – с серьезным лицом говорил бог.

– Однако обучаться мы будем не на настоящем оружии. И мишени перед тобой тоже не те, к которым ты привык.

Ты будешь учиться стрелять на имитаторе бластера – он издает такой же звук при выстреле, а специальные механиз-

мы имитируют отдачу.

– Ваше могущество, а что же вместо молний?

– Ничего.

– И как же мы пойдем...

– С помощью магии, конечно. Перед тобой не обычные мишени, а волшебные полотна. Они покажут те точки, в которые ты выстрелил бы, будь у тебя нормальное оружие, тогда, как ты выстрелишь из имитирующего. Все просто.

– Господин Мерктрис, я так понял, мне предстоит многому научиться.

– Верно.

– Значит, я буду здесь еще когда-нибудь?

– Правильно, Джеймс. Ты будешь приходить сюда в это же время через каждый день, так что можешь прямо сейчас начать привыкать к этому месту. Ты будешь учиться стрельбе.

– Вместе с вами?

– И другими богами.

Джеймс одной рукой облокотился на стол, а другой взялся за сердце. От удивления разинул рот и глаза. Задышал так редко, точно каждый вздох забирал у него год жизни.

– Не волнуйся, Джеймс. Все будет хорошо, – улыбался Мерктрис, хотя Джеймс и не думал волноваться. Он был счастлив.

– Ваше могущество, я вас не подведу... обещаю. Буду стрелять... буду стрелять так, что ни один лучник не сможет сравниться со мной, – наобещал Джеймс. Мерктрис хохот-

нул:

– Конечно.

Вскоре в словаре Джеймса появились такие термины как бластер, заряд (энергии), автомат, предохранитель, курок и крючок и многие другие. Джеймс вбирал в себя все новое, как только почва поглощает воду во времена страшной засухи.

Не только Джеймса переполняли чувства в тот час. Не один лишь Мерктрис волновался. Конечно, он переживал, ведь трое дилийцев, которых люди чаще зовут богами, сегодня чуть не подрались, а королева Клеофер такому совсем бы не обрадовалась. Но все дилийцы той пирамиды, кроме известной тройцы, бросили все свои дела и начали обсуждать инопланетянина.

– Вы заметили? У него на шее ни одного шипа.

– Да вы просто миссионеров не видели! Я уже не удивляюсь.

– А я ему завидую.

– Когда-то мы были такими же!

– Они вообще моются?

– Вы видели его лицо? Он так удивленно смотрел на все происходящее, как будто... как будто с ума сошел.

– Как вы думаете, он хоть немного поймет из того, что ему

скажет Мерк?

– Лишь бы он потом не убил нас этим оружием.

– Не-е-е-т, он же чтит нас. Мы же для него боги.

– Если уж боги, то только жульничества.

– Нет, вы видели, какое у него серьезное лицо? Чувствую, чувствую все кончиться плохо.

Многие из них еще никогда не видели людей так близко. Они и на улицу выходят редко, ведь одни люди безумно их чтят, а другие зовут лже-богами и хотят убить. Да и вмешиваться в жизни людей можно далеко не всем. И вообще, зачем выходить на улицу, когда так много развлечений в пирамиде?

Огромные ковры из зеленой травы. Полевые цветы: синие, желтые, фиолетовые и красные. Коричневая протоптанная тропа, змеей обходящая серые валуны. Белые облака, точно артисты, принимающие самый разный облик, и светло-голубое небо, захватившее все пространство. А видно это благодаря желтому солнцу. Но не все вписывается в этот мир, где ветки – корявые, валуны – неровные, тропа – кривоватая. Жилище богов – абсолютно ровная, прямо-таки идеальная, огромная серебряная пирамида, вокруг которой страшно ходить не только маленьким зверькам, таким не совершенным со своими болячками и ранами, но и большим тем-

ным волкам, недоверчиво принимающим к странному явлению. Да, пирамида смотрелась здесь также плохо, как шипы на шее. Даже Джеймс, только что бывший в гостях у богов, мог бы расписаться на этих словах. Он смотрел и думал:

– Вам здесь не место.

Да, боги помогали. Но... что-то в них было отталкивающее. Может быть то, что такие великие существа живут так близко. Раньше было приятно верить, что боги где-то далеко, не могут вот так прийти к тебе и упрекнуть, зато все видят и помогают... издали. Может быть, остались какие-то сомнения насчет богов. Неясно что, но существовало нечто такое, отчего Джеймс вновь сказал:

– Вам здесь не место.

Возможно, парню просто не понравилось, что люди сами не дошли до такого оружия. Джеймс знал, что раньше луки были намного хуже, чем сейчас, да и железо у людей появилось не сразу. Джеймс верил, что люди и сами бы дошли до оружия богов, но позже. А боги взяли и нарушили должный ход событий.

– Мы бы и сами дошли до этого, да, Скакун? – спросил у лошади Джеймс. Как он заметил, Скакуну не нравится пирамида. – Мы бы тоже дошли до этого... а значит, возможно, и боги когда-то стреляли из луков. Постой...

Может быть они не наделены никакой магической силой? Может, они просто очень долго существовали в этом мире

и без какой-то магии, а с помощью опыта, медленно, но верно дошли до такого оружия, как бластер? Хотя, это, конечно, полный бред, ведь это противоречит учениям, но... но ведь и учения иногда оказываются ложными. Да, еще недавно мы верили в Хранителя, но его просто не было! А если он и был, то никак нам не помогал. Но не в этом суть, Скакун. Возможно, нет никаких богов, но есть прогресс. Зачем же тогда боги врут? Может, они даже не хотят нам помочь? Ох, надеюсь, боги не умеют читать мысли.

Джеймс ломал над этим голову. Он все думал, думал и думал, пока не рассмеялся:

– А что же тогда значит мой символ на ладони? Действительно, я плохо соображаю по утрам. Подумать только, какие мысли крутятся у меня в голове... Да уж, хахах.

После этого Джеймс отправил коня в галоп. Солнце только поднялось, день еще впереди и нужно все успеть.

Как-то граф Рыжая Голова спросил у мудреца:

– Когда стоит устраивать пир? Перед рыцарским турниром, чтобы во время трапезы музыканты и певцы своей музыкой возбудили благородных сиров на подвиги? Или же после, чтобы победитель, и те, что отличились на турнире, могли с удовольствием и спокойствием насладиться прекрасными многочисленными кушаньями?

И тогда мудрец почесал затылок и закрыл глаза: задумался. Думал он час, и думал два. Все извилины на голове того мудреца напряглись, но ответ пришел не из головы, а из живота. Тот, проказник, не постеснялся заурчать при самом графе, а тем временем мудрец молвил:

– Когда не знаешь, какое из двух хороших дел выбрать, то поступай вразумительно – выбирай оба.

Так мудрец остался сытым до конца дня, граф угодил жителям своего города, а победителю турнира пришлось довольствоваться вдвое меньшему выигрышу, чем планировалось ранее, но все в тот день остались довольными. Многие, по крайней мере. Вроде бы...

А потом пришлось повысить налоги.

За часы, проведенные в пирамиде, город сильно изменился. Из серой каменной пустыни он превратился в солнечную обитель, кишашую жизнью. Лорды на позолоченных разноцветных повозках, рыцари и всадники на разномастных благородных животных, торговцы и наемники на своих двух, крестьяне на разодранных пятках, все – бедняки не в счет – спешили на пир, устроенный любимцем народа Графом Рыжая Голова, которого разве что завистники звали Графом Лысая Башка. И то лишь за спиной. Или открыто... но с веревкой на шее.

Крепость графа нельзя было назвать грандиозной, тем более после увиденной огромной железной пирамиды, но все-таки во время строительства каменщики постарались так, как молодыми не старались в постели. Каменная стена, толщиной около ярда, заканчивалась лишь там, где начинались четыре круглые башни. Деревянные надстройки, как бы продолжения стены, только не вверх, а в бок, имели крупные дыры в полах, из которых во время осады стекали кипяченая вода, горячая смола и не менее жгучие ругательства осажденных. А там, внизу, хоть и не было рва, зато находились земляные валы, мимо которых Джеймс сейчас проезжал.

Вне помещения расположились далеко не самые элитные гости, и среди них Джеймс сразу нашел чуть грустных подопечных: он наказал не пить стражникам, которым предстоит сражаться против монстров полнолуния. Джеймс понимал, они выпьют. На каждом пиру по кружке.

Проходя мимо столов, Джеймс здоровался со стражниками, желал им хорошо провести день и напомнил оставаться в боевом состоянии. А чтобы они не задавали вопросов на счет новых приобретений, он спрятал их под плащом. Правда, так не могла сделать со своим животом жена Джеймса, Кейтилин. Она должна родить в этом месяце, а прийти на пир и того скорее.

В замке было прохладно, а промасленные факелы хорошо освещали коридоры. Однако здесь сохранялось чувство неловкости, ведь вести себя надо как полагает, особенно ко-

гда ты не из знатного рода. По правде, вообще неясно, из какого, зато пользуешься популярностью богов, и только потому и здесь.

– Здравствуйте, лорд Генрих, здравствуйте, госпожа Сесилия, здравствуйте, милорды и миледи. Я рад в этот день видеть всех вас, – поклонился Джеймс, стоило ему войти в зал.

На огромном столе, покрытом скатертью с затейливыми узорами, можно было найти любое блюдо. Хлеб белый, черный и даже зеленый – к вашим услугам. Свинина с грибами, кабанина с баклажанами, говядина с бобами – все, что пожелаешь. Жареные окуни, копченые угри, отварные тунцы, соленая сельдь – наслаждайся. Овощи были повсюду, как и запах всех перечисленных блюд. Не обходилось и без красного и белого вин, эля, хмельного пива. Гости нетерпеливо ожидали остальных, желая как можно скорее преступить к трапезе. Их слюни текли как у собак.

Кушанья так радовали глаз, что некогда было смотреть на зеленые и красные гобелены и портреты суровых и важных отцов Генриха, одетых в роскошную одежду. Но все-таки здесь находилось что-то такое, способное отвлечь внимание от еды.

Джеймс не привык обращать внимание на одежду – в мужчинах его интересовала лишь одежда, в складках которой можно спрятать нож или та, что из стали, а девушек он считал прекрасными и без всяких пышных юбок. Но сегодня па-

рень все-таки пригляделся к одежке. Он вспомнил, что у богов та была свободной, а не торчала во все стороны, как перья у общипанной курицы.

Ричард Дендремон первым привлек внимание Джеймса. Загнутые вверх сапоги с длинными носами, штаны с кожаным поясом, красивая котта, несколько перстней на пальцах, что украшены драгоценными камнями, позолочены или посеребрены, а волосы очень темные, густые, манящие, длинные. На всеобщее обозрение выставлена ухмылка, а позади виднелась рукоять двуручного меча. Такой меч в разы длиннее фальшиона Джеймса, он и рубит лучше, и колоть способен.

Рядом с известнейшим рыцарем Божьего Города стояли самые прелестные дамы. Тут ворковала Изабелла с милейшим личиком, красивыми голубыми глазами и завлекающим вырезом на груди. Хихикала и Мейбл, со своими пышными грудями и юбками, розовыми щечками и мило хлопающими ресничками.

– Сир Ричард, чего же вы остановились? Кажется, вы говорили, что противник ткнул вас в живот, – заговорила Агнесс. Внешностью она, пожалуй, уступала Изабелле и Мейбл, хоть и считалась красивой, но была в ней некая уверенность, она как бы возвышалась над всеми, как и ее белая острая шапочка геннина.

– Не ткнул, а попытался. В последний момент я схватил меч железной рукавицей, отвел удар в сторону и нанес

своей, – не слишком хвастливо заявил Ричард. Дамы им восторгались, пускай и краем глаза поглядывая на самого именитого мужчину этого города – Джеймса. Да, тот родился не рыцарем, но очень оригинальным способом достиг почти их уровня. Всех интересовало, что же великие боги разглядели в, казалось бы, обычном человеке.

И сейчас он, минуя всех, подошел к графу и его жене, показывая новые подарки судьбы.

– Сегодня, милорд, я побывал в обители богов. Там были и феи, и оборотни, и существа, о которых я еще ничего не успел узнать. Но самое главное – боги подарили мне оружие, – сказал Джеймс доставая бластер.

– Подойдем поближе, чтобы лучше слышать сира Джеймса, а, сир Ричард? – мило взглянула на Дендремона Изабелла.

– Он, как всегда, ничего интересного не расскажет, миледи, – улыбнулся Ричард, смотря, как Агнесс неторопливо пошла к Джеймсу, за ней чуть бодрее Мейбл, а там уже и Белла, улыбнувшись:

– Давайте в этом убедимся.

Джеймс удовлетворенно вздохнул, увидев, что его окружили. Он начал рассказывать обо всем, что увидел, услышал и почувствовал в пирамиде богов. Когда он закончил, Ричард рассмеялся:

– Ох, Джеймс, мне так тебя жаль.

– Отчего же? – Джеймс заметил, что все посмотрели на Ричарда.

– Ты и в правду думаешь, будто боги дали настоящее оружие обычному человеку? Да, все мы, благодаря твоему хвастовству, знаем, что они тебе помогают. Но я сомневаюсь, что у тебя в руках действительно оружие. Что это вообще такое? Где здесь клинки или шипы? Почему оно такое короткое? Единственное, что на мой взгляд, можно сделать с врагом, используя эту игрушку, так только рассмешить, – и в зале раздались смешки. Народу прибавилось. До этого многие переспрашивали, что же рассказывал Джеймс, но сейчас все усталились на Дендремона.

– Тогда, сир Ричард, буду рад поднять вам настроение, потому что сегодня я намереваюсь по-дружески сразиться с вами на турнире, – не выдержал Джеймс. Он понимал, у него слишком мало опыта владения бластером, но ему показалось, что он справится, если понадобится.

– Ты, наверное, забыл, что не можешь участвовать в турнире, ведь ты не рыцарь, – ухмыльнулся Ричард, осушая кубок. Джеймса раздражала наглость Дендремона. К нему в третий раз за сегодня обращались на «ты», и хоть он на самом деле не сир, как его вежливо называли остальные, потому что он отмечен богами, но Ричард мог бы не напоминать об этом.

– А вы, наверное, забыли, что сегодня полнолуние, и существа, что зовутся кричащими двуногами, нападут на Божий Город, в коем мы живем. И мне, как начальнику стражи, стоит оставаться целым и невредимым, бодрым и отдох-

нувшим, чтобы как следует отразить атаку. Поэтому на этом турнире мне лучше не бывать. Но для вас я сделаю исключение, – хмыкнул Джеймс. Он хотел также дерзко промочить горло, но его окружила толпа, а вырваться из нее сейчас – трусливо убежать от лишнего внимания. А пить после таких разговоров хотелось.

– Ну, знаешь, короли тоже сражаются на турнире, хотя если они умрут, будет плохо всему королевству. Вот лет десять назад Уильям Твердорукий выиграл на турнире, не боясь, что его убьют, а с нашим королевством Пламя Высших ничего не случилось. Представляешь? А все потому, что турниры существуют, чтобы дух, вера и мастерство воинов благородного происхождения возвышались до небес, – ответил Ричард.

– В общем... невзирая на все сказанное, я... сражусь с вами... после турнира. Вместе со своим новым оружием. Вместе с оружием богов! – поднял кулак вверх Джеймс. Многие одобрительно закивали.

В этот момент в прекрасном платье вошла Кейтилин. Вообще-то они должны были идти вместе, но женошка задержалась, а Джеймс не стал ее ждать. Обменявшись поцелуями и любезностями, парень обещал рассказать ей про свое похождение к богам попозже, и они уселись за стол. Генрих, видя, что все пришли, сказал:

– Ровно три сотни лет назад наши боги, именуемые также дилийцами, вернулись к нам. До этого они были здесь лишь

для того, чтобы создать все живое. И теперь они улучшают нашу жизнь, причем уже которое столетие. В честь этого мы и устраиваем пиры и турнир! Все к столу!

Было утро. Некоторые лорды, можно так сказать, еще не проснулись, а потому играла тихая успокаивающая арфа. Джеймс снова рассказал про прием богов, вспомнив некоторые подробности, а потом беседа ненадолго утихла.

На помощь арфисту граф позвал рыжую девушку с лютней, светловолосого парнишу с дудкой и борова барабанщика. Почти сразу же пришли танцовщицы, чьи стройные, холеные ножки виднелись во время пляски. Казалось бы, разве можно тут жаловаться хоть на что-то?

Здесь Джеймс не чувствовал себя своим. Почему? Он не родился лордом, он добился такого круга благодаря богам. Джеймсу казалось, что он этого не заслужил. Да, по сути, многие лорды не достойны своих богатств – они их получили по чистой случайности, им повезло родиться у знати. Но Джеймс думал, что боги выбрали не того, ведь парень ничего выдающегося не сделал. Если только не ошибся.

Когда он жил у лорда, ему хотелось встретить своих настоящих родителей. Пусть они были бы крестьянами, зато настоящими, и любовь их стоила бы дороже всех драгоценностей и яств, присутствовавших в этой комнате.

А что за лицемерие? Вы так замечательно выглядите, миледи, это платье вам весьма подходит. Сколько раз уже Джеймс говорил это. А ведь он ненавидит даже это слово

«миледи», значащее «моя леди». Какие они ему леди? Он о них ничего не знает. Джеймсу иногда хотелось сказать правду, но он ведь даже не рыцарь. Джеймс чувствовал, что ему здесь не место. И вскоре он сменил его.

Ристалище предстало перед его взором. Здесь атмосфера боя, а это Джеймс любил. Он считал, что рожден для сражений, и вряд ли существует занятие, способное принести ему большее удовольствие, чем это. Разве что любовь.

Но, к сожалению, рядом с ним не было родственной души. Кейтилин начинала надоедать.

Когда-то он сделал выбор, о котором с каждым днем жалеет все больше.

Ристалище представляло собой круглое деревянное сооружение без крыши, внутри которого была опять же деревянная перегородка для рыцарей. Скамей поставили очень много, поэтому все – бедняки не в счет – могли полюбоваться предстоящими сражениями. Однако почетнейшие места были у Генриха и его круга, в который не входил знаменитый Джеймс. Как и Ричард Дендремон. Они как раз подходили к самому молодому герольду Герберту.

Тот держал в руке коричневый фолиант, хмурил брови и поглаживал настолько темные, насколько длинные усы. Коричневый дублет имел на себе золотых змеек. Зеленая и фиолетовая колготы сочетались с зеленым и фиолетовым рукавами. Загнутые вверх носы кожаных сапог Герберта указывали на его шелковый берет с тремя перьями.

– Здравствуйте, сир Герберт, не могли бы вы нам помочь, – тронул за плечо герольда Ричард. Он улыбался, надеясь и ожидая от Герберта упреков относительно происхождения Джеймса.

Враги хотели, чтобы после победы кого-либо проигравший заплатил выкуп, а все это очень похоже на турнир, пускай и всего лишь между двумя соперниками. Джеймс не желал, чтобы потом говорили «Джеймс столь низкого рода, что когда он хотел сразиться с Ричардом на турнире, ему запретили». Джеймс ожидал, что именно этот герольд обеспечит такие слова, поэтому хмурился.

– Здравствуйте, сир, – улыбнулся Герберт. – Чем могу вам помочь?

– Недавно Джеймс получил одну вещицу от богов и теперь утверждает, что это оружие, хотя, как по мне, это безделушка. Тогда-то мы и решили проверить, так ли это на самом деле и захотели сразиться друг против друга – я с копьем, а он с блазером.

– Бластером.

– Неважно. Но Джеймс не рыцарь и в роду у него не было ни одного лорда, а мы же хотим, чтобы все было как на турнире – чтобы победителю достался приз от побежденного. Так ведь только увлекательней. Разрешите ли вы, сир Герберт, совершить задуманное? Хотя, наверное, нет, ведь...

– Да, разрешу. Я думаю, всем будет интересно взглянуть на оружие богов в действии. А если же правы окажетесь вы,

сир Ричард, то все мы, уж простите, сир Джеймс, хотя бы посмеемся, – улыбнулся Герберт.

– Вам не стоит извиняться. Это мы должны просить прощение, за беспокойство, – по-доброму сказал Джеймс, глядя на недовольного Ричарда. – Кстати, что вы делаете?

– То же, что и следует делать каждому герольду.

Видите на столах щиты? Для вас, сир Ричард, на вон том щите всего лишь зеленый хлеб на белом фоне, а для вас, сир Джеймс, ближний к нам щит только защита, с изображенной на ней синими молниями богов на красном фоне. Я же, с помощью моей большой и полезной книги, могу вам рассказать, что зеленый хлеб – герб рода Гринбредов, которые из простых крестьян смогли вырваться в лорды, благодаря тому, что первыми начали выращивать подарок богов – их зеленый и сладостный дар.

– Кхм, – кашлянул Джеймс.

– Ходили легенды, что Дилберт Жестокий, из рода Гринбредов, не мог и дня прожить без убийства, пьянки и шлюхи. Правда, последнее в нашей истории имеет малое значение... хотя, как такие вещи могут иметь для мужчины малое значение, а? – рассмеялся герольд. Ричард его подхватил, а Джеймс просто закивал.

– Так вот. Пьянки он любил безумно, говорили, что порой мог целую бочку пива выпить. Из всех выпитых бочек можно было бы построить стену... и на башню из бутылок еще бы осталось. О да, выпить он любил. И сражаться тоже, – поднял

палец вверх Герберт. – И тогда его жена Арья Прекрасная, чтобы избавить мужа от плохой славы убийцы, сделала ему пиво из забродившего зеленого хлеба.

Дилберту понравилась новая выпивка. С тех пор он пил либо зеленое пиво, о да, оно имело зеленоватый оттенок, либо красное вино. И ничего больше. Но ни один сорт вина не изменял Дилберта, как то, новое, пиво. После выпитой бочки Дилберту не хотелось убивать. Никогда. Он танцевал на столе почище лучших танцоров, прыгал с крыши, делая сальто, кричал и хохотал на весь замок, но ни разу, ни разу не убил человека от нечего делать, как было раньше. Зеленое пиво, второй, можно так сказать, дар богов сделал из него более доброе создание. Говорят даже, что когда его жена Арья Прекрасная попросила Дилберта заниматься своими отпрысками, то он послушал ее, и стал куда меньше времени уделять и шлюхам, и пивнухам.

И это лишь одна из историй этого интересного рода, а Гринбреды лишь один род из многих и многих в книге под названием «Дома Пламени Высших». Только вот копий этих книг так мало, что их можно даже на пальцах пересчитать. А таверн и публичных домов всех и не счесть и это только в одном нашем королевстве. В такие моменты мне становится обидно, – и восторг от интереса и удивления слушателей обратился в грусть.

Джеймс решил, что не может обычный продукт так сильно изменить человека. Зеленый хлеб это, конечно, не про-

сто зерновые, которые хорошо и много растут, терпят засухи и холода, устойчивы ко многим вредителям. Нет, будь это так, Дилберт остался бы мужчиной, не знающим преград. Это было как минимум необычно, но, может быть еще и неправильно?

Что творят эти боги? Зачем они не просто вмешиваются в жизни людей, но меняют их самих? Пока что, кажется, что они просто помогают... но, быть может, они лишь хотят, чтобы так думали? Завтра же Джеймс собирался проникнуть в столовую богов и увидеть там зеленый хлеб. Зеленый хлеб или обман.

Герберт рассказал им еще пару историй, а также объяснил, что даже если ты самый настоящий рыцарь, то все равно не имеешь права участвовать в рыцарских турнирах, если дед твоего деда не был рыцарем или лордом. Джеймс понял, что никогда не испытает того удовольствия, которое сегодня будет у Ричарда. Не поможет ему ученик-оруженосец надеть доспехи, не напомнит лишний раз герольд, что род у тебя знатный, никакая дама не оторвет тебе рукав в знак своей симпатии. Джеймса любили боги, люди, может, даже звери, но правила есть для всех. Оставалось только разглядывать разноцветные гербы на щитах, плащах и сюрко, на которых разевали пасть, исторгали пламя или просто значились самые разные животные, птицы, рыбы, цветы или оружие.

И все-таки получить оружие богов куда большая привилегия. Джеймс не отдал бы ее за рыцарство, хотя ошуще-

ние, что чрезмерная любовь богов должна быть у другого, его не покидало.

Когда герольды убедились, что среди участников нет самозванцев, они сели рядом с судьями и принялись смотреть на шоу, предшествующее турниру.

Вначале под музыку танцевали красивые девушки в полупрозрачных платьях. Потом шумные акробаты выполняли разные трюки, в том числе и ходили на ходулях. Далее начали выступать жонглеры, и в воздухе засвистели ножи и кинжалы, зашумели факелы и залетали шарики. А под конец здоровый лысый мужчина изрыгнул огонь. И все это время музыканты играли красивые мелодии: медленные и торопливые, всем известные и только появившиеся.

И только потом начался турнир.

Правда, что-то стоящее началось не сразу. Вначале выступали оруженосцы. Атаковали они либо неуверенно, либо с таким пылом и жаром, с каким сражались только давно сгинувшие драконы. Это стало поводом для смеха среди Джеймса и его общества – Кейтилин, Изабелла, Агнесс и Мейбл.

– У этих юнцов копыта ломаются, видно, только в постели, – заметил Джеймс. Только его совсем не интересовали оруженосцы. Гораздо чаще перед его взором сиял бластер.

Следом выступали зеленые рыцари, у некоторых сегодня случился первый турнир. Придется отвыкать надевать доспехи на других и привыкать, что их надевают на тебя. Те-

бе достается слава, золото, восторженные крики, внимание дам, усталость, волнение, страх, переломы, ушибы, кровавые раны, уродства, снова слава, но уже дурная, и смерть. Кто-то из следующих сражающихся будет танцевать в таверне и радоваться тяжелой победе, попивая пиво, а кому-то в лазарете придется проглатывать напитки, приглушающие боль и кряхтеть в окружении не менее больных людей. Но это потом, а сейчас есть надежда.

Кони громко ржали и яростно втоптывали землю, длинные древки затупленных копий стукались о стальные щиты и ломались, падая вниз, а какие-то обломки уже лежали на песке. Разноцветные перья со шлемов рыцарей валялись там же, а на них сверху дождем сыпались искры.

А вот настал черед настоящих рыцарей. Мужчины, которые не первый год, а многие даже и не первый десяток лет защищают свои города, из коих они прибыли, начали сражаться один за другим, разочаровывая Джеймса. Ричард обязан был выиграть турнир, ведь ему предстояло сразиться с Джеймсом, поэтому он словно стал сильнее и ловчей в несколько раз. А вот его соперники, к сожалению, заметили это, но не уподобились Ричарду, а наоборот, оробели и помрачнели. Их сверкающие шпоры, быстрые кони и крепкие доспехи не были хороши настолько, чтобы сразить самого известного рыцаря Божьего Города. К сожалению, для них самих и для Джеймса.

Парню оставалось искать надежду хоть в каком-нибудь

рыцаре или в том, что те его изматывают, но если Ричард и уставал, то никак этого не показывал, будто каждый бой прибавляет ему сил. А боев было много.

Обычно, на каждую пару сражающихся приходилось три стычки. Выигрывал либо тот, кто сбил противника с седла или даже убил его, либо тот, кто сломал больше копий. Если оба ломали поровну, то проходило следующее и следующее сражение и так до тех пор, пока кто-то из них не даст слабину. А если не ломали копья, то уходили.

Сейчас Ричард, герб которого был стальной замок, сражался с рыцарем с золотыми ключами на щите и плаще. Даже шлем заканчивался ключом. Но Джеймс думал, что этого будет слишком мало, чтобы «открыть» Ричарда. Ричард прижал щит к груди, нацелил копье на соперника и ударил коня по крупам. Жеребец помчался вперед, а ему навстречу резвая кобылка.

– Сейчас победит Ричард, но потом ты одолеешь его, – говорила Кейтилин с такой искренностью, что даже Джеймс в себя поверил. Он ее поцеловал и почти забыл о страхе.

Ричард тоже ничего не боялся. Его копье стукнулось о щит противника и сломалось. Рыцарь с гербом ключа наклонился вправо, тяжелый щит должен был завершить дело, но, оттолкнувшись копьём от земли, мужчина снова твердо уселся на лошадь.

Ричард уже развернулся к врагу. Он вытянул руку, и оруженосец вложил новое копье, которое тут же нашло свою ми-

шень. Они снова устремились друг на друга, один волнуясь о том, что может позорно проиграть, а второй, что его убьют. Но зрителям никогда не испытать таких же волнений. Им там, издалека, лишь бы увидеть зрелищ, ведь пережить страх или гордость они не в силах, если это, конечно, не тот рыцарь, за которого они переживали. И за Ричарда были многие, возможно, поэтому он нанес такой сильный удар.

Копье сломалось надвое. Противник ударился собственным щитом. Губа – красная. Левая нога – не в стремени. Сам – не на лошади. Затылок – красный.

Конь поволок потерявшего сознание рыцаря. Копье недолго катилось, а щит и вовсе рухнул и больше не двигался, а Джеймсу пришлось все это наблюдать. Он подумал, какой же этот Ричард урод, раз специально оставил побольше сил для такого показательного боя. Джеймс смотрел на кровь, пока его противника объявляли победителем турнира. Никто из множества рыцарей не смог победить сира Ричарда Дендремона.

Но я не рыцарь, подумал Джеймс с улыбкой.

Слуга, который сегодня подносил ему хлеб, на этот раз принес кое-что пожестче – щит и шлем. Щит треугольный, а шлем, защищавший верхнюю половину головы, переходил в кольчугу.

– Я верю в тебя, – напомнила поцелуем в губы Кейтилин. Джеймс благодарил ее за это. Как женщина она ему не нравилась, но как человека он ее любил.

Спускаясь по ступеням и ощущая тяжесть взглядов, Джеймс вздыхал, ни на кого не глядя, ища только слова. Когда он дошел до середины ристалища, он как можно громче заговорил, иногда устраивая передышки:

– Наш победитель турнира, сир Ричард Дендремон, очень хорош в бою, однако... он считает, что боги подарили мне игрушку, а не настоящее оружие, и потому... сегодня для него произойдет еще один бой. Со мной!

Я так уверен в том, что оружие богов обладает невероятной силой, что готов сразиться даже без коня! И я собираюсь сделать это прямо сейчас.

Ричард посмотрел на него свысока, не просто как наездник на пешего, а как король на обезумевшего крестьянина, что хочет напасть на самого главного сира в королевстве с грязной палкой, утверждая, будто она – волшебный посох.

Но Джеймс поступил верно, ведь Скакун мог испугаться молний, да и конь ему все равно не поможет, зато его отсутствие унизит победителя рыцарского турнира.

– Хотя вы, Избранный, – Герберт подчеркнул последнее слово, как бы помогая Джеймсу, – сражаетесь без коня, но все равно вы проиграете... если упадете. А так как ваше оружие, как можно увидеть, сломаться не может, значит, Ричард не проиграет, пока не упадет.

– А мне, уважаемый сир Герберт, можно просто ломать об него копыта или же следует повалить на пол? – спросил Ричард, видя свою победу. – И если можно просто ломать

копья, то сколько мне стоит сломать?

– Нисколько. Чтобы было честно, вы тоже можете выиграть, лишь заставив Избранного упасть, – сказал Герберт. – Итак, в случае победы один из вас отдает свой меч противнику, ибо если Джеймс вдруг проиграет и отдаст оружие богов другому, то это может повлечь неприятности. Помимо меча, кто-то из вас должен будет отдать победителю тысячу золотых. Итак, начинайте.

Джеймс бросил взгляд на жену Кейтилин. Та улыбнулась, и парню полегчало. Ричард взглянул на Мейбл, Изабеллу, и в конце на Агнесс. Он видел, как они смотрели на Джеймса и что-то тихо шептали ему вслед. Ричард желал их внимания, ведь жена его умерла, но отец искал женщину побогаче. Все-таки Ричард легенда и это поможет. Правда легенды касались не только самого рыцаря, но и его жены. Говорили, что его жену убили в ее же замке, причем кто-то из слуг. Некто превратился из человека в монстра и разодрал на части красивое тело юной жены Ричарда. С нею он был счастлив, а Джеймса практически не замечал. А тот как раз подумал, что, возможно, Дендремонам предначертано умирать необычными смертями.

Деревянная перегородка, вдоль которой скакали всадники, казалась небольшой... когда ты верхом на массивном коне. Будучи пешим Джеймс заметил, что перегородка заканчивается на уровне его шеи. Обзор был виден, а перегородка словно защищала его. Джеймсу представилось, что лучники

могли бы тут укрываться, если замок вдруг захватят. А потом посмотрел на Ричарда и сглотнул.

Меч – символ и чести, и силы, и рыцарства, и бесстрашия. Мечам даже дают имена. Но когда под ногами резвая лошадка и ты стремительно приближаешься к противнику, крепко сжав копьё, то именно оно становится самым страшным оружием. Настоящим боевым копьём можно на бегу проткнуть сразу двух хорошо экипированных мужчин. За такое копьём следует давать не только имена, но и фамилии, а там уже и пару прозвищ. Но почему-то все помнят только то, что копьё можно разломать одним ударом меча. А может ли бластер сломать копьё надвое?

Джеймс поставил правую ногу чуть вперед, а левую далеко назад, чтобы его труднее было сбить. Выставил щит перед грудью. Направил бластер в ту точку, в которой должен был оказаться Ричард. Тот тоже приготовился: копьё направил вниз, точно туда, где скоро, по его мнению, будет голова врага.

– В атаку! – крикнул Ричард и помчался.

Расстояние быстро сокращалось. Когда между ними осталась половина пути, Джеймсу показалось, что он что-то забыл. Ричард был в пяти ярдах. Джеймс нажал на крючок. Ничего. Абсолютно ничего. Нажал снова. Ничего. Бросив бластер, Джеймс двумя руками схватился за щит и выставил его вперед. А потом почувствовал сильный толчок.

Копьё пробило щит. Обломок застрял внутри. Джеймс

пошатнулся, выронил щит, замахал руками, пытаюсь найти опору. И нашел. Ухватившись за край перегородки, он подтянулся к ней и с легкостью выдохнул.

Не проиграл.

Предохранитель!

Любое нормальное оружие способно убить сразу, как только достаешь его из ножен, будь то кинжал или лук, молот или боевой цеп. Ножны – это как предохранитель, только для оружия людей. А у оружия богов, можно сказать, два таких предохранителя и Джеймс умудрился об этом забыть.

Посмотрев на щит, парень выругался. С дырявым щитом все равно, что без него. Сняв оружие с предохранителя, парень повернулся к радующемуся Ричарду.

– Похоже, боги тебя надурили. Никакой ты не Избранный, разве что Избранный Ради Шутки! – Ричард начал смеяться. Смешки так и вылетали из него, как пчелы из улья. Он не сдержался и снял с себя шлем, а потом выкинул его вперед. Джеймс хотел нацелиться в голову мерзавцу, но потом передумал. Если боги узнают, что он убил кого-то из благородных людей, то тогда они наверняка заберут оружие и перестанут общаться с ним. А Джеймс ведь еще даже не знает, едят ли они зеленый хлеб или нет. Тем более у Ричарда есть сын, а кровной мести Джеймс не желал. Придется целиться в щит.

Ричард вряд ли думал об этом, ведь прямо сейчас он скакал на Джеймса, который схватил бластер двумя руками. Его

молнии прожгут этот замок.

С каждым мигом их разделяло все меньше и меньше. Джеймсу на мгновение показалось, что даже конь Ричарда зол на него. И когда между ними осталось пять ярдов, Джеймс выстрелил.

Сгусток молний застал Ричарда врасплох. Он пошатнулся, одна нога вылезла из стремени, но все-таки он удержался. Джеймс присел, и поздно отправленное в атаку копьё его не задело, но загорелось от искры. Пламя быстро перешло по всему древку, а оттуда на деревянную перегородку. Та испытала на себе много всего. Эту щербатую старушку и случайно тыкали копьём, о чем свидетельствуют дыры, и падали на нее, стальными доспехами царапая тощее длинное тело, но еще никогда она не загоралась.

Пламя охватывало фут за футом. Горело не копьё, ведь оно было выброшено в песок. Даже щит и сюрко уже не горели – кто-то успел их потушить. Это перегородка, повидавшая турниров больше, чем самый старый рыцарь, загорелась. Вскоре дым начал щипать глаза, а сейчас Джеймсу они были нужны. Он решил, что надо подпустить врага не больше чем на три ярда, чтобы молнии свалили, но не убили Ричарда.

Рыцарь схватил новое копьё и помчался вперед. Джеймс видел его сквозь пламя, колыхающееся подобно волнам. И пламя, и Ричард горели, приближались к Избранному. Джеймс заметил ожоги на лице врага. Он чувствовал, что того трясет. Трясет от ненависти, а не страха.

Джеймс взглянул на Ричарда сквозь красно-желтое пламя. Сузив брови и стиснув зубы, Джеймс ругнулся и выстрелил. Копье было в футе от него, но мощный толчок выкинул Ричарда из седла. Тот упал, загорелся, проиграл.

– Потушите пламя! – приказал Генрих.

– В этом поединке победил Джеймс Избранный, – донеслось откуда-то. Джеймс улыбнулся. Он взглянул на свою ладонь. «Да, я Избранный» – подумал он.

Вскоре оруженосцы и пажи принялись тушить перегородку и Ричарда. Джеймс с интересом взглянул на него. Тот лежал неподвижно. Вначале это сильно радовало, но потом парень подумал...

А какой толк от этой победы? Он даже не выучился пользоваться оружием – забыл о предохранителе! – но все равно поборол с его помощью. Не так много получаешь удовольствия от легкой победы. Однако Ричарда нужно было поставить на место.

Джеймс срочно поставил бластер на предохранитель. Осталось только четыре выстрела, так что многих он бы не убил. Все-таки меч, подумал Джеймс, куда опаснее. А это значит, боги дали ему далеко не самое лучшее, скорей наоборот.

Чего они этим хотят добиться? Да еще и этот зеленый хлеб. Джеймсу было очень интересно, что же будет дальше, а сейчас он, наклонившись, обнимал свою жену. Чмокнув ее в щеку, в благодарность за веру, он принялся принимать по-

здравления от других.

Следом должен был случиться еще один пир, на котором будут присутствовать самые дорогие и аппетитные блюда, но никак не Джеймс, ведь сегодня тому следует тепло встретить ночных гостей – кричащих двуногов. Те предпочитают совсем иные блюда, и хоть те из мяса, зато готовить их практически не надо.

– Я слышал, что эти крикуны со змеиной пастью и хвостом... заканчивающимся змеиной пастью, – говорил лысый простолюдин своим друзьям.

В таверне приятно пахло элем и вкусной едой, факелы горели ярко, а помещение казалось уютным, но никому не приходило в голову веселиться. Сегодня лучше зайти дом, запереть двери на ключ, закрыть ставни и уснуть крепким сном, чтобы не слышать страшных криков.

– Нет, такая нежить зовется амфисбеной. Летать она не умеет и вообще не существует, – заговорил старик с длинной седой бородой, – вот я сколько всего повидал на своем веку, но нечто, в народе называющееся амфисбеной не видел ни разу. Ни разу, – поднял морщинистый палец старик.

– Ты и не видел нечто, в народе называющееся затылком, но это не значит, что его у тебя нет, – ответил лысый.

– Уж не хочешь ли ты мне сказать, что василиск существу-

ет? – усмехнулся старик, разевая беззубый рот.

– Ох не знаю, амфисбены ли, василиски ли сегодня тут будут, но те твари, что прилетают к нам каждое полнолуние – пугают меня до смерти. Не знаю, снилось ли мне это или видел я наяву, но как шрам на лице в моей голове осталась та ужасная тень.

Горела тогда свеча, ставни от страшного ветра открылись, а пока я их закрывал, то увидел то существо... Дочери постоянно плачут, слыша их крики. Моя любимая дрожит. Да и меня самого подташнивает, когда я слышу их. Так что пойду я вслед за братцем. Ради спокойствия собственных девочек можно и пропустить пару кружек. Тем более настроения пить у меня нет. Доброй ночи, – вышел из-за стола высокий сильный мужчина с бородой.

В ту позднюю ночь старику и лысому, последним гостям таверны, то ли тоже вдруг расхотелось пить, то ли тоже захотелось прижать к себе напуганных красавиц, но в любом случае они поскорее ушли. Они и так напились на пирах, а пришли сюда лишь по старой привычке. Они бывали здесь каждый день, как когда-то давно каждую неделю их прадеды молились в церквях. Но то было сотни лет назад. И то было не Пламя Высших, где веруют в настоящих богов, но Деревянное Королевство, в котором верят в Хранителя. И тогда стояли церкви, бесповоротно пожиравшие деньги, силы и время людей на бессмысленные молитвы, а нынешние боги установили здесь волшебное сооружение, лечащее за сереб-

ро, и в обмен на него же снабдили лекарей особыми травами, поэтому смерти из-за болезней грозят лишь старикам... и тем, у кого нет лишнего серебра. Даже младенцам здесь мало что грозит, ведь каждого рожденного отдают богам, чтобы те подарили им силы бороться со множеством недугов. И из десяти младенцев не возвращают живым только одного, а оставшиеся девять обычно доживают до зрелости.

Иногда они умирают от кричащих двуногов. Для этого и есть Джеймс.

Он стоял в Зоне Исцеления. Посредине находилась плоская стальная плита в десять ярдов длинной и шириной. В ее центре возвышался столб. В нем имелась дыра, благодаря которой можно было оплатить лечение и дать пожертвование богам, а чуть выше находился красный глаз, распознающий ранение, и еще ближе к небесам желтый, лечащий. Ни в коем случае не стоит даже пытаться сломать этот дар богов, иначе тот издаст оглушительный звук и прибежит стража, стоявшая на плите прямо сейчас.

В круг встали семеро мечников, включая Джеймса, за ними дюжина копейщиков, а в центре три барабанщика, и у всех на поясе мешочек с серебряными монетами. Некоторые из них немного выпили, но Джеймс, зная это, практически не злился. Стоит им услышать крик черной виверны, как они тут же протрезвеют и пожалеют, что не послушались.

Уже было темно, но помимо полной белой луны, броню заставляли сверкать красные огни факелов. И хоть пока что

все держаться храбро, Джеймс должен был что-то сказать.

– Именно в этот день три сотни лет назад вблизи нашего города на пирамидах высадились никому незнакомые существа, которых все люди либо боялись, либо презирали, – начал Джеймс. – И тогда никто не мог даже представить...

– Иииееееееее! Иииееееееее! – послышалось где-то вдали. Этот звук слышали не только в Божьем Городе, но и в нескольких ближайших городах.

– ... что это боги. Теперь мы это знаем. Всем приготовиться, барабанщики – начинайте. Да помогут нам боги! – протараторил Джеймс.

Не у каждого копейщика, в отличие от мечников, имелся щит, а если и имелся, то только небольшой, надеваемый на руку, но по-настоящему было страшно музыкантам, которые хоть и были неплохо экипированы не могли ничем прикрыться и атаковать и более того – они являлись приманкой.

– Бум! Бум! Бум! Бум! Бум-бум-бум! Бум! Бум! Бум! Бум! Бум-бум-бум! – ругались барабаны. Если бы не они, то виверны напали бы на ближайшие цели – стражников на стене. Но природа чудовищ заставляла их лететь туда, где было больше шума и противиться этому они не хотели, как и не хотели оставлять людей одних каждую луну.

– Иииееееее! Иииееееее! Иииееееееее! – кричали они издали. Такие визги пронизывали всю плоть, от них кровь стыла в жилах, ладони потели, а сердце билось чаще. Но одно дело этот страх. Звук, издаваемый ими, был хуже визга малыша,

чей отец самый немелодичный певец на свете. И стражникам, которым предстояло сразиться с ними, отчасти повезло, ведь вместо визгов они слышали...

– Бум! Бум! Бум! Бум! Бум-бум-бум! Бум! Бум! Бум! Бум! Бум-бум-бум!

Крики монстров стали громче. Было ясно, что они уже гораздо ближе, но где именно никто не мог сказать. В темноте их совсем не видно, поэтому лучники здесь почти бесполезны.

И тут твари замолкли.

Это означало, что они уже близко. Джеймса всегда смешило то, что стоит тебе пожелать, чтобы этих криков не было, как твое желание исполняется, и ты вновь хочешь услышать их. Услышать, чтобы знать, с какой стороны они нападут.

Джеймс стоял, а его сердце стучало быстрее, чем барабаны. Факелы освещают низ, твари же вверху – оттуда жди нападения. Парень не боялся, скорее сильно волновался. И он забеспокоился еще сильнее, когда эта тварь уцепилась когтями в его щит.

При свете факела смутно виднелась голова, лишенная глаз, но с длинными острыми зубами. Вытянутая, как у собаки, морда выражала злобу и ярость, отчего казалось, что вот-вот потекут слюни. С двумя задними ногами и широкими крылами, как у летучей мыши, существо любило атаковать скорпионьим хвостом. И, несмотря на свои скромные два фута роста, заставило шагнуть Джеймса назад.

Двуног отскочил от щита прямо к голове Джеймса. Тот рубанул по темному телу. Вырвался крик. Потекла кровь. Такая же, как у людей, а не черная, как говорят.

Другая тварь попыталась врезаться в шлем рядом стоящего стражника, но копейщики мигом устранили угрозу. Крылья с дырками ослабли, двуног истошно завопил и шмякнулся о плиту, а позже, благодаря стальному мечу, лишился своей жалкой жизни, даже не успев подняться.

Следующая пара виверн вместе атаковала мечника. Первая налетела сверху, а вторая – снизу. Мечник щитом отбил одну тварь, а потом ему в ногу вонзился хвост. Заматерившись, парень упал, а двуноги только этого и ждали. Тот, что напал сверху, вцепился когтями в звенья кольчуги, а острым, как наконечник стрелы, хвостом ударил в живот. Его собрат успел нанести такой же удар, но потом стражники быстро разобрались с монстрами.

Какой-то неуверенный двуног летал над ними и попискивал, не решаясь напасть, и тогда атаковали его – копьё пронзило насквозь небольшую тушку.

Один за другим двуноги издавали дикие, страшные и предсмертные крики, а потом падали на землю, извивались, клацали зубами, истекали кровью и умирали. От удара меча или копья, но все девять страшилищ были убиты. Не нужно даже пары десятков воинов, чтобы сразить этих тварей.

Подождав некоторое время, стражники убедились, что

угрозы больше нет. Схватив единственного раненого, они подтащили его поближе к столбу. Факелы защищали от тьмы, братья по оружию – от новых ран, а божий дар мог спасти жизнь, поэтому, несмотря на раны, воин почти не волновался за свою жизнь.

Пока друг раненого клал три серебряные монеты в отверстие, одни глядели на свои окровавленные копья и мечи или на следы от когтей на щитах, а другие с испугом и стыдом или чувством превосходства и гордостью смотрели на мертвых кричащих двуногов, что сейчас не издавали ни звука.

Из красного глаза на столбе вырвался кровавый свет. Позже его стало меньше – три полосы света, контрастирующие с желтизной факелов, указали на боевые раны стражника. Потух глаз красный, но заработал глаз желтый.

Солнечный свет лег на раны мужчины. И теперь на месте кровоточащих ранений, способных вызвать гниение или какую-то ни было болезнь, начала расти кожа, восстанавливая тело. Вскоре от ран не осталось и следа, а на месте недовольной гримасы засияла улыбка.

– Мы это сделали! Как и всегда. И сегодня, к счастью, никто не умер. И все благодаря богам! – встал на ноги раненый.

– И все-таки, сир Джеймс, почему же вы не воспользовались оружием богов? – спросил другой парень. Избранный задумался и ответил:

– Я победил Ричарда, но то был всего лишь турнир. Я слишком плохо владею этим даром, поэтому, чтобы не на-

влечь беду и не осквернить честь богов своим неумением, я не стал этого делать.

Джеймс понял, почему они не спросили раньше. Они видели, что на поясе у их предводителя бластер, но боялись услышать отказ. А так у них была надежда, что молнии помогут им. Хотя все равно им волноваться не следовало, ведь монстры бессильны против них в таком количестве.

– Завтра я стану обучаться у них, у высших, – провозгласил Джеймс, глядя на бластер. А сегодня его воины отнесут монстров кожникам, а следом – поварам, чтобы первые сделали красивые плащи, а вторые – вкусные блюда. Правда, носить эту одежду и кушать такие блюда на полнолуние не стоит – плохая примета.

Распрощавшись с воинами, и одиноко надвигаясь в собственный дом, Джеймс думал о зеленом хлебе, богах, Гринбредах, кричащих двуногах и Кейтилин. Посмотрев на свою отмеченную ладонь, Джеймс решил, что Ричард был не прав, думая, что боги насмежаются над ним. Если зеленый хлеб – зло, а боги, это вовсе не боги, а люди или похожие на них создания, которые прогрессировали больше людей, то диллийцы на самом деле насмежаются над всем родом человеческим, а не над одним Джеймсом.

– Завтра я стану обучаться у них, у высших, – шепнул Джеймс, когда Кейтилин, прильнувшая к нему, уснула.

Так прошел день человека, не имеющего фамилии и понятия, отчего он Избранный. Он преспокойно спал и улыбался,

даже не представляя как в физических муках, но в радостном сне сир Ричард публично унижает Джеймса, а следом и отрубает ему голову.

Глава 2

Плохие единороги

В пирамиде на весь зал растянулась цепь из сотен людей. Богов здесь было еще больше, наверное, около тысячи, но все смотрели только на одного.

Раздавались загадочные звуки, не знакомые миру животных или простых людей, а потому ассоциировавшиеся с космосом, и шумели обычные громкие барабаны. Свет падал только на двоих – бога и человека, и перемещался он медленно, как и они.

Пара шла по высокой лестнице. Спрыгнешь с последней ступени – угодишь в котел с зеленой кислотой. Красивая женщина, нагая и вся в крови, и невероятно высокий бог с руками, как копьями, торчащей верхней челюстью, лысым черепом и мелкими глазами шагали как раз к этому котлу.

– Раньше она была одной из вас. Но потом она стала предательницей, и посему ее жизнь закончится прямо на ваших глазах, – молвил громкий голос из неоткуда.

Девушка даже не пыталась вырваться. Она смотрела на ступени и плакала.

– От нее не останется ничего материального – ни кусочка плоти, ни капельки крови. Но вы должны запомнить ее, чтобы не совершить глупость и не повторить ошибку.

Когда уродливый бог шагнул на последнюю ступеньку, девушка прыгнула назад, но сбежать не удалось. Может ли ускользнуть котенок от мальчика, который его схватил?

Бог поднял ее на руки, и музыка исчезла. Все знали, что сейчас случится, но отчего-то оставалось волнение. Послышался голос:

– Люди! Они всех вас используют и убивают, как меня сейчас!

Она полетела вниз. Девушка не хотела издавать звуков, но, когда ее тело коснулось кислоты, она завопила. Так страшно не кричала ни одна виверна. В пирамиде звук слышался еще несколько минут, но в головах людей – всю оставшуюся жизнь.

Несколько капель кислоты уничтожили пол. Ржавчина просто рыдала бы от зависти, увидев, как быстро исчезает металл. Но никто не смотрел на пол. Все внимание было на кислоте, однако она уже сделала свое дело. Страшный бог начал спускаться с лестницы. Снова слышались непонятные звуки, но уже без барабанов. Люди начали осознавать происходящие. Но мало кто из них догадывался, что это предупреждение не только для них, но и для богов.

Солнце поднималось одновременно с ведром воды. Девушка в красивых штанах, кожаных поясе и куртке с множе-

ством карманчиков и сумке за плечом любила свои волосы цвета земли, поэтому ее одежда того же цвета. И только ее глаза были зелеными и нежными, как лепестки мяты.

Вскоре вода оказалась в деревянных бутылках, которые перенеслись в сумы, а те легли на темную кобылку. Сама же Кэтрин предпочитала ехать на гнедой. Эти две лошадки были ее единственными спутниками уже долгое время.

На вид барышня казалась совершенно беззащитной, но у девушки имелись телохранители – бластеры, серебряные, широкие, фут длиной. Они вмещали достаточное количество энергии, как и ее пояс, способный в миг стать невидимым, но отличным щитом – надо лишь нажать на незаметную кнопку. А капюшон скрывал ее лицо.

Девушка сидела на краю колодца и смотрела, как медленно плывут облака. Она совсем недавно проснулась, но уже успела проверить количество электричества для бластеров. Его оказалось слишком мало, поэтому придется навестить богов. И это радовало.

Она достала и развернула большую карту. На ней помечены города и пирамиды, в которых она побывала. Где-то принимали лучше, где-то – хуже, но как бы плохо или хорошо ее не встречали – она обязана постоянно странствовать, ведь она миссионерка.

Жители Деревянного Королевства еще не знают, как помогают боги. Дилийцы лечат взрослых и детей, не просят дорогие церкви, храмы и алтари, не отбирают время молитва-

ми. Им неважны эти пустые слова – хочешь помочь богам, тогда дай денег. Так что в Пламени Высших нет епископов и монахов, от которых не так много толку, как от трудяг, которые и в правду что-то делают, а не чешут языками. Кэти рассказывает об этом, странствуя по свету.

Ей только девятнадцать лет, но она уже побывала более чем в ста крепостях, но только в двенадцати ее послушали. Эти людишки, относящиеся к касте тех, кто молится, имеют огромную власть. Но иногда бунтуют обычные крестьяне, иногда возвышающиеся над ними бароны и графы, и тогда Кэти остается в городе, являясь посредником между богами и людьми, вставшими на истинный путь.

И тогда появляются люди, чаще всего равнодушные к Хранителю, которые пытаются остановить ее. Иногда убедительными речами, но гораздо чаще твердыми дубинами и шестами. Есть и желающие надругаться над ней. Поэтому девушка так хорошо защищена. Если люди однажды потянутся к ней, – и потянуться не с топором – то ничто не способно помешать Кэтрин, ни один человек. Проходит месяц, и в городе, решившим уверовать в истинных богов, не остается ни одной церкви или храма, через полгода появляется Зона Исцеления, а еще через время на ближайших полях растет зеленый хлеб.

Зеленый хлеб продлевает жизнь. За такой дар простые люди отдают часть пищи богам. Но только не Кэтрин, побывавшая в десятках пирамид, ведь именно там она получает

щедрое вознаграждение за каждый успех и небольшую сумму за попытку внедрить новую веру. И там же она получает какие-нибудь специальные задания, вроде подавления мятежа еретиков. За них тоже что-то платят. Однако, учитывая, что каждый лорд, выбирающий дилийцев, выбирает и нового короля, короля Пламени Высших, и налоги платит ему, а их часть уходит к богам, то неудивительно, что Кэти намного больше получает за свою основную работу. И деньги она может потратить на все, что угодно.

Она может вкушать любую пищу и выпивать любой алкоголь. Она может идти в любой город огромного Деревянного Королевства, не считая тех, в которых была. Она может спать и с мужчинами, и с женщинами, если те того захотят. Но она не может иметь детей. Во время беременности путешествия и опасности рано или поздно убьют. А вот миссионерам можно сеять свои семена где угодно, только тратить время на воспитание – нельзя. Только служение богам, пока не придет старость. Тогда ты станешь жить в пирамиде и обучать других миссионеров, ведь для этого твои родители, не способные прокормить, и отдали тебя богам. Только нищие крестьяне могут так поступить со своими детьми.

Если ты так уж сильно желаешь детей, то либо сбегай в Деревянное Королевство, либо влюби в себя бога – тогда ты, не дожидаясь старости, будешь жить среди высших. И второй способ реален для всех. Правда, тогда нельзя будет возвращаться к людям, разве что самую малость. Или опять же

вместе с избранником сбегать в Деревянное Королевство, но тогда возвращаться в Пламя Высших будет смертельно опасно. Кэтрин помнила, как в кислоте убивали миссионерку, но потом она многое узнала от других: если ты перестанешь работать на дилийцев – не живи в Пламени Высших, если ты замыслил что-то против них или уже навредил – беги как можно дальше. И это касается не только миссионеров, но и всех жителей Пламени.

Поэтому чаще всего у миссионеров дети появляются только после сорока.

И Джеймс не захотел этого. Он мечтал о том, что сразиться вместе с сыном против кричащих двуногов, а не о том, чтобы сын, будучи отроком, увидел поседевшего отца, а после отправился бы в большое путешествие на треть века со своей миссионерской миссией. А может, он просто никогда и не любил Кэтрин...

Кэти опустила голову на ладонь. Из закоулка выбежали дети. Она хотела бы видеть, как ее дети смеются, играют. Обнимают ее, ценят и любят. Хотела видеть, как они усталые лежат на кроватях, закрыв глазки. Но она миссионерка, и у нее вместо детей лежат презервативы, на тот случай, если ей сильно захочется оказаться в объятиях сильного мужчины... которого она про себя назовет Джеймсом, когда закроет глаза.

Она взяла одну лошадь под узду, а на другую села. Оставив за спиной детей, при которых боялась выронить слезу,

она направилась в ближайший дом богов. Прошлой ночью она по созвездию Большой Пирамиды нашла север, поэтому с этим проблем не возникло. Куда больше беспокоила разлука с Джеймсом.

Молодые миссионеры, еще не бывавшие в Деревянном, обязаны посетить Божий Город. Это первое людское поселение, принявшее дилийцев. Здесь как нигде рады служителям богов. И хоть тем запрещено рассказывать о том, как живет высшим, но иногда что-то да проскальзывает, тем более обучение увлекательно и не засекречено да к тому же продолжается. Именно в обычных городах миссионеры учатся общаться с обычными людьми. Здесь Кэтрин и встретила Джеймса. Может быть, он не знает, но не только боги выбрали его, но и Кэти. Только вот высшим Джеймс рад, а ее – оставил. И раз Божий Город – центр Пламени Высших, королевства с десятками городов, сотнями замков и еще большим количеством деревень, то у Кэти практически нет шансов встретить Джеймса. Только намного позже ей могут разрешить жить в пирамиде неподалеку от Божьего Города, в котором она попытается встретить Джеймса, но сейчас... она все больше удаляется от него. С каждым днем воспоминания пропадают. Надежды на любовь увядают. А новую не найти.

И осознавая это, Кэтрин думает, а не правы ли все эти еретики, когда говорят, что дилийцы – демоны? Они не дадут свершиться любви! Да, Джеймсу никто не запрещал быть

с ней, но все-таки. А с другой стороны, если бы не боги, она бы умерла от болезни еще в детстве или всю жизнь была бы нищенкой и не увидела бы множество городов. Кэтрин не понимала, кто виноват в ее несчастье, поэтому она злилась то на богов, то на Джеймса. Выйдя из замка, она увидела колоски, которых было больше, чем людей на свете. Колосья хлеба дилийцев гораздо зеленей обычного хлеба, когда тот еще не дозрел. Эта зелень на фоне голубого неба, коричневатой земли и золотых колосьев выглядела также противоестественно, как выглядел бы человек с копытами вместо ладоней. А Кэтрин все шла к лесу, в котором скрывалась пирамида. Раньше люди верили в Хранителя, который жил на небесах. Наверное, бесконечное множество облаков на одно существо намного интересней летающей пирамиды, пускай и огромной, но на гораздо большее количество обитателей. Интересней, но не правдоподобней.

Проходя мимо толстых дубов, хлипких кустов и колец из грибов, девушка встречала небольших животных, слышала крики птиц, чувствовала свежий запах леса. Все выглядело красиво и естественно... до тех пор, пока не появилась она.

Пирамида придавила большущий дуб, который продолжал расти, несмотря ни на что. Он был похож на поклонившегося человека. Можно было представить, будто это природа встречает ее с поклоном. Но кому-то, при виде такого, в голову могли прийти мысли, что бедное дерево горбатится

и страдает из-за божественного здания. А ведь оно хотя бы выжило, в отличие от тех растений, которые пирамида просто раздавила, как ладонь одну из многочисленных в этом лесу бабочек.

Как бы то ни было, Кэтрин подошла к пирамиде и постучала в нее. Чтобы сразу стало ясно, кто она такая, девушка достала из кармана серебряный жетон с выгравированной на ней золотой розой с шипами. Боги прямо как эти растения – прекрасны, но опасны.

В пирамиде открылась дверь, и на свет вышел бог с головой, лишенной волос. Кэтрин вежливо поздоровалась и попросила его о помощи, на что тот лишь кратко ответил:

– Угу.

При этом он был хмур. Кэтрин не удержалась – достала зеркальце. Убедившись, что выглядит привлекательно, Кэт чуть-чуть поправила волосы, а потом гладкая полированная поверхность сверкнула на солнце, возвращаясь в сумку.

Вернулся бог, дав ей Опасных Коробок, то, без чего бластеры не заработают.

Кэтрин не пригласили в пирамиду, но она все равно улыбнулась.

– Чего? – нахмурился и без того недовольный бог.

– Просто я рада встретиться с высшим, – сказала Кэтрин.

– Прощай.

Пирамида закрылась, более не собираясь открываться. Кэтрин рассмеялась во весь голос и сказала:

– Просто я могла не доставать зеркало, а посмотреть в твою лысину.

Кэтрин видела богов лысых, лишенных нескольких зубов, очень низких или некрасивых, а оттого порой в ее голову приходила мысль – а что, если они такие же, как и мы?

Нет, нет, так быть не могло. Иначе почему у них пирамиды, а не простые дома? Почему они могут летать, а мы нет? Почему некоторые из них бессмертны?

Порой, во время путешествий, Кэтрин думала, что боги очень суровы. Они умеют продлевать свою жизнь, но почему-то вечная жизнь доступна далеко не многим. Это значит, что некоторые боги достойны бессмертия, а другие – нет. И как же они это определяют? Множество предположений, но ни одного ответа. Возможно, среди бога она найдет если не любовь, то хотя бы друга, который ответит на любые вопросы. А может быть, уже сегодня она найдет свою смерть в Файтхолле, если не перестанет мечтать.

Деревья скрывали небеса, а те скрывали звезды, но никто не был способен скрыть тот ужасный крик, что раздался в лесу. Травники знали здесь каждую травинку, боги могли рассказать все об этом лесе, но даже они не ответили бы Кэтрин на вопрос «кто сейчас завопил?».

Был ли это воинственный крик или последнее слово умирающего, но Кэти поняла – кто-то в опасности. И хоть она не видела здесь людей, она не могла спокойно продолжить путь. Возможно, ей попадетсся кто-то верующий в Храните-

ля, а может, просто богач или обычный хороший человек, способный составить компанию. Но даже если это ее враг, желающий ее смерти, денег и прелестей, пока она наверняка этого не узнает, она спасет жизнь.

Длинное павшее дерево заслоняло путь, поэтому Кэтрин спрыгнула с седла, оставила лошадок позади и, преодолев убитое растение, побежала к опушке, на которой все и произошло. Там среди мужеподобных дубов, с мхом вместо бороды, к небу тянулись крохотные васильки, которые, как и пирамиды, привлекали внимание цветом, а бело-желтые ромашки напоминали яйцо со своими желтком и белком. Как девица раскраснелась дикая малина, но сделала она это не из-за красивых песен соловьев и тетерев – все умолкли, потому что здесь находилось ужасное существо.

Огромная лисица с вытянутой мордой и четырьмя рядами зубов грызла серого волка. Тот уже умер, кровь перекрасила траву, а белоголовым сипам уже не терпелось полакомиться. Но если Кэтрин справится с бесовской лисицей, которую еще именуют бесицей, то птицы-падальщики наедятся вдоволь.

Кэтрин увидела, как эта рыжая бестия поглядела на нее и оскалила острые кровавые зубы. Обычно та нападает на людей, но сегодня все будет наоборот. Девушка не сомневалась, что справиться с ней, если воспользуется бластером, но разве можно тратить энергию сразу же? Сначала она потратит электричество ради лисицы, потом еще ради какой-нибудь ерунды и когда наступит действительно страш-

ная опасность, ей нечем будет защищаться. Поэтому девушка решила рискнуть и перед тем, как покинуть лошадок, достала из сумы телескопический стальной посох с красным и желтым глазами. Когда она нажала на кнопку, тот увеличился вдвое, став пятифутовым.

Увидев опасность, бесица ринулась на Кэтрин. Девушка ударила в морду шестом, как копьём, и бесица шагнула назад, зарычала и прыгнула на обидчицу. Собрав все силы, Кэтрин жахнула в бок, и бесица отлетела влево. Удар оказался таким сильным, что Кэти и сама упала. Тварь издала противный визг и побежала на лежачую. Проматерившись, девушка нашла в складках куртки бластер, направила его на бестию, застывшую в воздухе, и выстрелила.

В ушах звенел страшный звук, изданный бластером. В ноздрях чувствовался запах гари. Где-то за спиной осталась мертвая бесица, а впереди были слова: «Вот дура. А если бы Джеймс был со мной? Не угробила бы я его?». Она хотела забыть этот случай, в котором чуть не умерла из-за своего скупердяйства.

Вскоре позади остался и лес. Кэти продолжила бы странствовать в одиночестве, если бы на пути к ней не приблизился толстенький низенький мужчина, довольно восседающий на сером ослике.

– Здравствуйте, миледи. Меня зовут Эрик, и я специально преследовал вас, – улыбнулся мужчина.

– Зачем? – улыбнулась Кэтрин, рукой направляясь к кар-

машку с бластером.

– Чтобы поблагодарить. Я хочу сказать вам огромное спасибо, миледи Кэтрин, – улыбка растянулась до ушей. Девушке тоже нравилось, когда ее называют миледи, ведь обычно ее нарекали сестрой.

– Простите, но я вас не знаю. Вряд ли я когда-то помогала вам лично. И откуда вы знаете, как меня зовут? – так как разговор обещал быть долгим, Кэтрин ударила коня по крупам, и за ними последовали еще конь и ослик.

– Ооо, я мало того, что знаю, как вас зовут, но вдобавок, знаю, кто вы, а также где вы были ближайшие несколько дней.

– Хм, – ответила Кэтрин, ни чуть ни довольная такими обстоятельствами.

– Но вы не подумайте, я вовсе не маньяк. Куда мне, с таким-то грузом, – Эрик постучал себя по животу и усмехнулся. – Я впервые встретил вас, когда вы были в Гетфелле и просвещали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.